

АРИСТОТЕЛЬ

КАТЕГОРИИ

Аристотель

КАТЕГОРИИ

«Public Domain»

Аристотель

КАТЕГОРИИ / Аристотель — «Public Domain»,

Трактат «Категории» относится к творчеству древнегреческого ученого, основателя классической логики, Аристотеля (384-322 г.г. до н. э.)***«Категории» - первая глава стандартного собрания шести работ автора, известного под названием «Органон». Иными словами, категории согласно учению Аристотеля - не что иное, как десять постулатов, которые обозначают все материальные вещи. Аристотель известен нашим современникам как автор многих научных трудов, среди которых отмечены следующие: собрание произведений по логике «Органон», «Метафизика». «Физика», «Политика», «Этика», «Поэтика», «О душе», «Афинская полития». Сочинения Аристотеля охватывают все области знания того времени: философию, логику, психологию, естествознание, политику, историю, эстетику, этику. В своей философской концепции Аристотель стремился преодолеть дуализм своего учителя Платона, разделившего мир на не связанные между собой мир идей и мир явлений.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	6
Глава третья	7
Глава четвёртая	8
Глава пятая	9
Глава шестая	13
Глава седьмая	16
Глава восьмая	20
Глава девятая	24
Глава десятая	25
Глава одиннадцатая	29
Глава двенадцатая	30
Глава тринадцатая	31
Глава четырнадцатая	32
Глава пятнадцатая	33

Аристотель Категории

Глава первая [Одноименное, соименное, отыменное]

Одноименными называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности (*logos tes ousias*) разная, как, например, *dzoop* означает и человека и изображение. Ведь у них только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности разная, ибо если указывать, что значит для каждого из них быть *dzoop*, то [в том и другом случае] будет указано особое понятие (*logos*).

Соименными называются те предметы, у которых и имя общее, и соответствующая этому имени речь о сущности одна и та же, как, например, «живое существо» (*dzoop*) – это и человек и бык. В самом деле, и человек и бык называются общим именем «живое существо» и речь о сущности [их] одна и та же. Ведь если указывать понятие того и другого, что значит для каждого из них быть *dzoop*, то будет указано одно и то же понятие.

Наконец, отыменными называются предметы, которые получают наименование от чего-то в соответствии с его именем, отличаясь при этом окончанием слова, как, например, от «грамматики» – «грамматик», от «мужества» – «мужественный».

Глава вторая

[Сказываемое о предмете и находящееся в предмете]

Из того, что говорится, одно говорится в связи, другое – без связи. Одно в связи, например: «человек бежит», «человек побеждает»; другое без связи, например: «человек», «бык», «бежит», «побеждает».

Из существующего, одно говорится о каком-нибудь подлежащем, но не находится ни в каком подлежащем, например человек; о подлежащем – отдельном человеке говорится как о человеке, но человек не находится ни в каком подлежащем; другое находится в подлежащем, но не говорится о каком то подлежащем (я называю находящимся в подлежащем то, что, не будучи частью, не может существовать отдельно от того, в чем оно находится); например, определенное умение читать и писать находится в подлежащем – в душе, но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать и писать. И определенное белое находится в подлежащем – в теле (ибо всякий цвет – в теле), но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном белом. А иное и говорится о подлежащем, и находится в подлежащем, как, например, знание находится в подлежащем – в душе – и о подлежащем – умении читать и писать – говорится как о знании. Наконец, иное не находится в подлежащем и не говорится о каком-либо подлежащем, например отдельный человек и отдельная лошадь. Ни то ни другое не находится в подлежащем и не говорится о подлежащем. И вообще все единичное и все, что одно по числу, не говорится ни о каком подлежащем, однако ничто не мешает чему-то такому находиться в подлежащем. В самом деле, определенное умение читать и писать принадлежит к тому, что находится в подлежащем, но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать и писать).

Глава третья

[Род как сказуемое. Видовые отличия]

Когда одно сказывается о другом как о подлежащем, все, что говорится о сказуемом, применимо и к подлежащему, например: «человек» сказывается об отдельном человеке, а «живое существо» – о «человеке», следовательно, «живое существо» будет сказываться и об отдельном человеке: ведь отдельный человек есть и человек и живое существо. У вещей, относящихся к разным и не подчиненным друг другу родам, различны и их видовые отличия, например у живого существа и у знания. Видовые отличия у живого существа – это «живущее на суше», «двуногое», «крылатое» и «обитающее в воде», но ни одно из них не есть видовое отличие у знания: ведь одно знание отличается от другого не тем, что оно двуногое. Однако же никто не мешает, чтобы в пределах подчиненных друг другу родов видовые отличия были одними и теми же: ведь высшие роды сказываются о подчиненных им, а потому, сколько видовых отличий имеется у сказуемого, столько же будет иметься и у подлежащего.

Глава четвёртая

[Десять категорий]

Из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда», или «находиться в каком-то положении», или «обладать», или «действовать», или «претерпевать». Сущность, коротко говоря, – это, например, человек, лошадь; «сколько» – это, например, длиною в два локтя, в три локтя; «какое» – например, белое, умеющее читать и писать; «по отношению к чему-то» – например, за двойное, половинное, большее; «где» – например, в Ликее, на площади; «когда» – например, вчера, в прошлом году; «находиться в каком-то положении» – например, лежит, сидит; «обладать» – например, обут, вооружен; «действовать» – например, режет, жжет; «претерпевать» – например, его режут, жгут. Каждое из перечисленного само по себе не содержит никакого утверждения; утверждение или отрицание получается сочетанием их: ведь всякое утверждение или отрицание, надо полагать, или истинно, или ложно, а из сказанного без какой-либо связи ничто не истинно и не ложно, например «человек», «белое», «бежит», «побеждает».

Глава пятая

[Сущность]

Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду «человек», а род для этого вида – «живое существо». Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например «человек» и «живое существо».

Из сказанного очевидно, что у того, что говорится о подлежащем, необходимо сказывается о подлежащем и имя и понятие; так, например, человек сказывается о подлежащем – об отдельном человеке – и о нем, конечно, сказывается имя [человека]: ведь отдельного человека назовешь человеком и определение человека будет сказываться об отдельном человеке, ведь отдельный человек есть и человек, и живое существо. Таким образом, и имя и определение будут сказываться о подлежащем. Напротив, у того, что находится в подлежащем, в большинстве случаев ни имя, ни определение не сказываются о подлежащем; в некоторых же случаях ничто не мешает, чтобы имя иногда сказывалось о подлежащем, но определение не может сказываться о нем. Так, белое, находясь в теле как в подлежащем, сказывается о подлежащем (ведь тело называется белым), но понятие белого никогда не может сказываться о теле. А все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Это становится ясным, если брать отдельные случаи: живое существо, например, сказывается о человеке, поэтому оно будет сказываться и об отдельном человеке; ведь если бы оно не сказывалось ни об одном из отдельных людей, оно не сказывалось бы и о человеке вообще. Далее, цвет находится в теле; стало быть, и в отдельном теле. Если бы он не находился ни в одном из отдельных тел, он не находился бы и в теле вообще. Таким образом, все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Поэтому, если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого.

Из вторых сущностей вид в большей мере сущность, чем род, ибо он ближе к первой сущности. В самом деле, если станут объяснять, что такое первая сущность, то ее объяснят доступнее и более подходяще, указывая вид, чем указывая род; так, указывая отдельного человека, укажут понятнее, указывая, что он человек, нежели указывая, что он живое существо; первое более свойственно для отдельного человека, второе более общи; и, указывая отдельное дерево, мы укажем понятнее, указывая, что оно дерево, нежели указывая, что оно растение. Далее, сущностями называются прежде всего первые сущности, потому что для всего остального они подлежащие и все остальное сказывается о них или находится в них. И так же как первые сущности относятся ко всему остальному, так и вид относится к роду, а именно: вид есть подлежащее для рода, ведь роды сказываются о видах, виды же не сказываются о родах. Значит, еще и по этой причине вид есть в большей мере сущность, чем род. Что касается самих видов, то, поскольку они не роды, один вид но в большей мере сущность, чем другой: [твое определение] несколько не будет более подходящим, если ты для отдельного человека укажешь «человек», чем если для отдельной лошади укажешь «лошадь». Точно так же одна первая сущность не в большей мере сущность, чем другая. Ведь отдельный человек есть сущность несколько не в большей мере, чем отдельный бык.

Вполне естественно, что после первых сущностей из всего прочего одни только виды и роды называются до вторыми сущностями: из всего, что сказывается, только они выявляют

первую сущность. В самом деле, если кто-нибудь станет объяснять, что такое отдельный человек, то он подходящим образом объяснит его, указывая его вид или род, притом он сделает это понятнее, указывая, что он человек, нежели что он живое существо. Какое-либо другое указание будет неподобающим, например если указывать, что он бледен или бежит или что бы то ни было подобное. Потому вполне естественно, что из всего другого [помимо первых сущностей] только роды и виды называются сущностями. Далее, первые сущности, ввиду того что они подлежащие для всего другого, называются сущностями в самом основном смысле. И как первые сущности относятся ко всему другому, так же ко всему остальному относятся виды и роды первых сущностей: ведь о них сказывается все остальное. В самом деле, отдельного человека можешь назвать умеющим читать и писать; значит, так можешь назвать и человека и живое существо. И таким же образом обстоит дело и во всех других случаях.

Общая черта всякой сущности – не находится в подлежащем. В самом деле, первая сущность не находится в подлежащем и не говорится о подлежащем. Что касается вторых сущностей, то из следующего очевидно, что они не находятся в подлежащем; ведь о подлежащем – об отдельном человеке говорится как о человеке, но «человек» не находится в подлежащем, ибо «человек» не находится в отдельном человеке. Точно так же о подлежащем – об отдельном человеке говорится как о живом существе, но «живое существо» не находится в отдельном человеке. И далее, если нечто находится в подлежащем, то ничто не мешает, чтобы его имя иногда сказывалось о подлежащем, но определение не может сказываться о нем. Что же касается вторых сущностей, то о подлежащем сказываются и их определение, и их имя: ведь определение человека применимо к отдельному человеку и определение живого существа – точно так же. Поэтому сущность не принадлежит к тому, что находится в подлежащем. Это, однако, не есть особенность сущности, ведь и видовое отличие принадлежит к тому, что не находится в подлежащем. В самом деле, о подлежащем – о человеке говорится как о живущем на суше и как о двуногом, но они не находятся в подлежащем: «двуногое» или «живущее на суше» не находится в человеке. Равным образом и определение видового отличия сказывается обо всем, к чему применимо [само] видовое отличие; например, если «живущее на суше» говорят применительно к человеку, то и определение «живущего на суше» может сказываться о нем, ведь человек есть то, что живет на суше.

И пусть нас не смущает то, что части сущностей находятся в целых как в подлежащих, чтобы нам не пришлось когда-нибудь утверждать, что эти части не сущности: ведь о том, что находится в подлежащем, было сказано, что оно находится в нем не так, как части содержатся в каком-нибудь [целом].

Сущностям и видовым отличиям свойственно то, что все [составленное] из них говорится соименно. Все [составленные] из них сказуемые сказываются или о единичном, или о видах. Первая сущность не составляет никакого сказуемого: ведь она не сказывается ни о каком подлежащем. Что же касается вторых сущностей, то вид сказывается о единичном, а род – и о виде, и о единичном. Точно так же и видовые отличия сказываются и о видах, и о единичном. Далее, первые сущности принимают понятие вида и рода, а вид – понятии рода. Ибо все, что говорится о сказуемом, может быть применено и к подлежащему. Таким же образом и виды и единичное принимают понятие видового отличия. Соименными же были у нас названы те предметы, у которых и имя общее, и понятие одно и то же. Поэтому все [составленное] из сущностей и из видовых отличий говорится соименно.

Всякая сущность, надо полагать, означает определенное нечто. Что касается первых сущностей, то бесспорно и истинно, что каждая из них означает определенное нечто. То, что она выражает, есть нечто единичное и одно по числу. Что же касается вторых сущностей, то из-за формы наименования кажется, будто они в равной степени означают определенное нечто, когда, например, говорят о «человеке» или о «живом существе»; однако это не верно. Скорее они означают о некоторое качество, ведь в отличие от первых сущностей подлежащее здесь не

нечто одно: о многих говорится, что они люди и живые существа. Однако вторые сущности означают не просто какое-то качество, как, [например], белое: ведь белое не означает ничего другого, кроме качества. Вид же и род определяют качество сущности: ведь они указывают, какова та или иная сущность. Род при этом определяет нечто большее, чем вид: тот, кто говорит «живое существо», охватывает нечто большее, чем тот, кто говорит «человек».

Сущностям свойственно и то, что им ничего не противоположно; в самом деле, что могло бы быть *as* противоположно первой сущности, например отдельному человеку или отдельному живому существу? Ничто им не противоположно. Равным образом нет ничего противоположного и человеку или живому существу. Однако это не особенность сущности; это встречается и у многого другого, например у количественного. Ведь длине в два локтя или в три локтя нет ничего противоположного, так же и десяти и [вообще] никакому количеству, разве только если сказать, что «многое» противоположно «малочисленному» или «большое» – «малому». Во всяком случае ни одному из определенных количеств ничего не противоположно.

Сущность, надо полагать, не допускает большей и меньшей степени. Я этим не хочу сказать, что одна сущность не может быть сущностью в большей или в меньшей мере, чем другая (выше уже было сказано, что это так), а хочу сказать, что о каждой сущности, как таковой, не говорится как о сущности в большей или в меньшей степени. Так, например, если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей и в меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей и в меньшей степени бело, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое. [В подобных случаях] и об одном и том же можно сказать, что оно по отношению к себе бывает [в разное время] таковым в большей и в меньшей степени; например, тело, будучи белым, в настоящее время называется белым в большей степени, чем прежде, или будучи теплым – в большей и в меньшей степени теплым. Сущность же никак не называется сущностью в большей или в меньшей мере.

Ведь и человек не называется в настоящее время в большей мере человеком, чем прежде. И точно так же – ничто другое из того, что есть сущность. Таким образом, сущность не допускает большей и меньшей степени. Главная особенность сущности – это, надо полагать, то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности, между тем об остальном, что не есть сущность, сказать такое нельзя, [т. е.] что, будучи одним по числу, оно способно принимать противоположности; так, один и тождественный по числу цвет не может быть белым и черным; равным образом одно и то же действие, одно по числу, не может быть плохим и хорошим. Точно так же у всего другого, что не есть сущность.

Сущность же, будучи одной и тождественной по числу, способна принимать противоположности; так, отдельный человек, будучи единым и одним и тем же, иногда бывает бледным, иногда смуглым, а также теплым и холодным, плохим и хорошим. У всего другого этого, по видимому, нет, разве что кто-нибудь возразит и скажет, что речь и мнение способны принимать противоположности. Ведь одна и та же речь кажется истинной и ложной; например, если истинна речь: «он сидит», то, когда он встанет, эта же речь будет ложной. То же самое и в отношении мнения: если правильно полагают, что такой-то человек сидит, то, когда он встанет, будет уже неправильно придерживаться этого мнения о нем. Однако если и согласиться с этим, то все же имеется различие в способе, [каким здесь и там принимаются противоположности]. В самом деле, сущности принимают противоположности, меняясь сами. Ведь, став холодной из теплой, сущность претерпела изменение (ибо она стала иной), и так же – став из бледного смуглым и из плохого хорошим. Точно так же и во всех остальных случаях сущность принимает противоположности, подвергаясь изменению; речь же и мнение, будучи сами во всех отношениях неподвижными, остаются совершенно без изменений, но из-за перемены обстоятельств для них получается противоположное; в самом деле, речь, [например], «он сидит», остается все

той же, но в зависимости от происшедшей перемены обстоятельств она называется то истинной, то ложной. То же можно сказать и о мнении. Так что быть способной принимать противоположности в силу собственной перемены – это особенность сущности, по крайней мере по способу, [каким она их принимает]. Если, таким образом, кто-нибудь согласился бы с тем, что речь и мнение также способны принимать противоположности, то это было бы неверно.

Ведь о речи и о мнении говорится как о способных принимать противоположности не потому, что они сами принимают что-то, а потому, что в чем-то другом переменилось состояние: в зависимости от того, происходит ли это или нет, и речь называется истинной или ложной, а не из-за того, что она сама способна принимать противоположности; ведь вообще ни речь, ни мнение нисколько и ничем не приводятся в движение. Поэтому, ввиду того что в них не происходит никакой перемены, они не способны принимать противоположности. О сущности же говорится как о способной принимать противоположности потому, что она сама их принимает: она принимает болезнь и здоровье, бледность и смуглость; поскольку она сама принимает каждую из таких противоположностей, о ней говорится как о способной принимать их. Вот почему особенность сущности – это то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности в силу собственной перемены. Итак, о сущности пусть будет достаточно сказанного.

Глава шестая

[Количество]

Что касается количества, то одно раздельно, другое непрерывно, и одно состоит из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другое – из частей, но имеющих такого положения. Раздельны, например, число и слово, непрерывны – линия, поверхность, тело, а кроме того, время и место. В самом деле, у частей числа нет никакой общей границы, где соприкасались бы его части; так, например, если пять есть часть десяти, то пять и пять не соприкасаются ни на какой общей границе, а стоят раздельно; также и три и семь не соприкасаются ни на какой общей границе. И вообще у числа нельзя указать общую границу его частей; они всегда стоят раздельно, поэтому число принадлежит к раздельным количествам. И таким же образом и слово принадлежит к раздельным количествам. Что слово есть количество, это ясно: ведь оно измеряется коротким и долгим слогом. А имею я в виду слово, произносимое голосом: ведь его части не соприкасаются ни на какой общей границе, ибо нет такой общей границы, где соприкасались бы слоги, каждый из них стоит раздельно сам по себе.

Линия же непрерывна, ибо можно указать общую границу, где соприкасаются ее части, – точку, а у поверхности – линию: ведь части плоскости соприкасаются на некоторой общей границе. Таким же образом и у тела можно указать общую границу – линию или поверхность, где соприкасаются части тела.

Также и время и место принадлежат к таким количествам: настоящее время соприкасается с прошедшим временем и с будущим. В свою очередь и место принадлежит к непрерывным количествам: ведь части тела, которые соприкасаются на некоторой общей границе, занимают определенное место; стало быть, и части места, которые занимает каждая из частей тела, соприкасаются на той же границе, где соприкасаются и части тела. Поэтому и место, можно сказать, непрерывное количество: ведь его части соприкасаются на одной общей границе.

Далее, одни количества состоят из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другие – из частей, не имеющих такого положения; так, части линии имеют определенное положение по отношению друг к другу: ведь каждая из них расположена где-то и можно было бы различить и указать, где каждая находится на плоскости и с какой частью из остальных она соприкасается. Точно так же имеют определенное положение и части плоскости: можно точно так же указать, где находится каждая из этих частей и какие части соприкасаются друг с другом. И равным образом – части тела и части места. У числа же нельзя было бы показать, каким образом его части имеют определенное положение по отношению друг к другу или где они находятся, а также какие части соприкасаются друг с другом. Нельзя это показать и у частей времени: ведь ни одна часть времени не неподвижна; а как может то, что не неподвижно, иметь определенное положение? Скорее можно было бы сказать, что время имеет некоторый порядок в том смысле, что одна часть времени существует раньше, а другая – позже. Точно так же обстоит дело и с числом – в том смысле, что один указывают при счете раньше, чем два, а два – раньше, чем три; и именно в этом смысле у числа имеется, пожалуй, некоторый порядок, а положение [для него] вовсе нельзя указать. И точно так же произнесенное слово: ни одна часть его не неподвижна, а каждая уже сказана, и ее уже нельзя ухватить; поэтому у частей слова нет положения, раз ни одна из них не неподвижна. Итак, одни количества состоят из частей, имеющих определенное положение, другие – из частей, не имеющих положения.

Количеством в собственном смысле называется только то, что указано выше; все остальное называется так привходящим образом; в самом деле, имея в виду те, которые были указаны, мы называем количествами и остальное; так, белое называется большим, потому что поверх-

ность большая, и действие – продолжительным, потому что оно совершается долгое время, и точно так же движение – значительным: каждое из них называется количеством не само по себе. Так, если кто-то указывает, сколь продолжительно действие, он определит его временем, указывая, что это действие длится год или что-то в этом роде; равным образом, указывая, что белое есть некоторое количество, он определит его через поверхность: как велика поверхность, такое же по величине, скажешь ты, и белое. Так что только указанное ранее называется количеством в собственном смысле и само по себе; из всего же остального ничто не называется так само по себе, а если и называется, то приводящим образом.

Далее, количеству ничто не противоположно. Когда речь идет об определенных количествах, то ясно, что нет ничего противоположного им, например длине в два или в три локтя, или той или иной поверхности, или чему-то подобному: ведь им ничто не противоположно, разве только если сказать, что «многое» противоположно «малочисленному» или «большое» – «малому». Однако все это не количество, а скорее соотнесенное. В самом деле, ни одна вещь не называется большой или малой сама по себе, а лишь поскольку ее соотносят с другим, как, например, [какую-то] гору называют малой, а просяное зерно – большим, поскольку последнее больше других зерен, а первая меньше других гор.

Таким образом, имеет место соотнесение с другим: ведь если бы вещь называлась большой или малой сама по себе, то гора никогда не называлась бы малой, а просяное зерно – большим. Точно так же мы говорим, что в селении много людей, а в Афинах мало, хотя здесь их во много раз больше, чем там, и что в доме много людей, а на представлении мало, хотя их здесь гораздо больше. Далее, длина в два или в три локтя и все тому подобное означает количество, между тем «большое» или «малое» означает не количество, а скорее соотнесенное. В самом деле, большое и малое рассматриваются в отношении к другому; поэтому очевидно, что то и другое принадлежит к соотнесенному.

Далее, признает ли их кто-нибудь количеством или не признает, во всяком случае нет ничего противоположного им; в самом деле, как можно назвать что-то противоположным тому, что может быть взято не само по себе, а [лишь] в соотнесении с другим? Далее, если «большое» и «малое» будут противоположностями, то окажется, что одно и то же допускает в одно и то же время противоположности и что вещи противоположны сами себе: ведь иногда бывает, что одно и то же в одно и то же время и велико и мало, ибо по сравнению с одним оно мало, а по сравнению с другим оно же велико, поэтому одно и то же бывает в одно и то же время и большим и малым, так что оно допускает в одно и то же время противоположности. Но, надо полагать, ничто не допускает в одно и то же время противоположностей, а как мы это видим в отношении сущности: она, надо полагать, способна принимать противоположности, но во всяком случае ничто не бывает в одно и то же время больным и здоровым, как не бывает вместо белым и черным; и среди всего остального нет ничего, что допускало бы в одно и то же время противоположности. Иначе получается, что вещи противоположны сами себе. В самом деле, если большое противоположно малому, а одно и то же в одно и то же время велико и мало, то оно, можно сказать, противоположно само себе. Но быть противоположным самому себе – это нечто несообразное. Значит, «большое» не противоположно «малому» и «многое» – «малочисленному». Так что если даже причислять их не к соотнесенному, а к количеству, то все же они не будут иметь ничего противоположного.

Противоположность по количеству, надо полагать, имеется главным образом у места. В самом деле, «верх» считают противоположным «низу», называя место у середины «низом», так как расстояние от середины Вселенной до со пределов самое большое. По видимому, и определение остальных противоположностей заимствуется от этих: как противоположные друг другу определяют те вещи из одного и того же рода, которые больше всего отдалены друг от друга.

[Определенное] количество, надо полагать, не допускает большую и меньшую степень, например длина в два локтя: в самом деле, одно имеет длину в два локтя не в большей степени, чем другое. Равным образом и число; одна тройка, например, ничуть не в большей мере тройка, чем другая, и одна пятерка ничуть не в большей мере пятерка, чем другая. И один промежуток времени не называется временем в большей мере, чем другой. И вообще ни об одном из перечисленных видов количества не говорится, что оно есть количество в большей или меньшей мере. Стало быть, и количество, [так же как сущность], но допускает большей и меньшей степени.

Главная особенность количества – это то, что о нем говорят как о равном и неравном; в самом деле, о каждом из указанных количеств говорится как о равном и неравном; так, говорят, что одно тело равно или неравно [другому] и что один промежуток времени равен или неравен [другому]. Точно так же и о каждом из остальных указанных количеств можно говорить как о равном и неравном.

О прочем же, что не есть количество, вовсе, по-видимому, нельзя говорить как о равном или неравном. Так, об одном расположении вовсе не говорят, что оно равно или неравно [другому], а скорее, что оно сходно [с другим], и о чем-то одном белом не говорят, что оно равно или неравно [другому белому], а говорят, что оно одинаково [или неодинаково] бело. Таким образом, главная особенность количества – это то, что о нем говорится как о равном и неравном.

Глава седьмая [Соотнесенное]

Соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому; так, о большем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят – большее, чем что-то; и о двойном говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим. Ведь говорят – двойное против чего-то. Так же обстоит дело и с другим им подобным. К соотнесенному принадлежит и такое, как обладание, расположение, чувственное восприятие, знание, положение. В самом деле, обо всем перечисленном говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим, а не что-то иное: обладание есть обладание чем-нибудь, и знание – знание о чем-нибудь, положение – положение чего-нибудь, и все остальное точно так же. Таким образом, соотнесенное – это то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому, как, например, одна гора называется большой в сравнении с другой, так как ее называют большой по отношению к чему-то, и так же о сходном говорят как о сходном с чем-то, и точно так же называется соотнесенным и другое в этом роде. Далее, и возлежание, и стояние, и сидение суть некоторые положения, а положение принадлежит к соотнесенному. С другой стороны, лежать, стоять или сидеть – все это само по себе не положения, а обо всем этом говорится как о производном от только что указанных положений.

У соотнесенного бывает и противоположность; так, например, добродетель противоположна пороку – то и другое принадлежит к соотнесенному; и точно так же знание противоположно неведению. Однако по все соотнесенное имеет противоположное себе, двойному ничто не противоположно, равно как и тройному и вообще ничему подобному им.

Соотнесенное, видимо, допускает большую и меньшую степень. В самом деле, о чем-то говорят как о сходном и несходном в большей или в меньшей степени, так же как о равном и неравном в большей или меньшей степени, причем каждое из них есть соотнесенное: о сходном говорят как о сходном с чем-то и о неравном – как о неравном чему-то. Однако не все соотнесенное допускает большую и меньшую степень: о двойном не говорится как о двойном в большей и в меньшей степени, не говорится так ни о чем другом в этом роде.

Все соотнесенные между собой [стороны] обоюдны. Так, под рабом подразумевается раб господина, а под господином – господин раба; и под двойным – двойное по отношению к половинному, а под половинным – половинное по отношению к двойному, равно как и под большим – большее по отношению к меньшему, а под меньшим – меньшее по отношению к большему. Точно так же обстоит дело и в других случаях, разве что иногда будет различие в окончании слова. Так, о знании говорят, что оно знание познаваемого, а о познаваемом говорят, что оно познается знанием, равно как и о чувственном восприятии – что оно восприятие воспринимаемого, а о воспринимаемом – что оно воспринимаемое восприятием. Однако иногда такой обоюдности нет, если то, о чем говорится в связи с другим, указано не так, как следует, а тот, кто указал это, сделал ошибку; так, например, если указано «крыло птицы», то нельзя указать наоборот: «птица крыла», так как первое – «крыло птицы» – указано не так, как следует. В самом деле, говорят о крыле птицы по поскольку она птица, а поскольку она крылатое [существо]: ведь крылья имеются и у многих других существ, не только у птиц. Поэтому, если указывать подходящим образом, то обоюдность возможна. Так, крыло есть крыло крылатого, и крылатое есть крылатое крылом. Иногда же необходимо, пожалуй, даже придумать имена, если нет установленного имени, в отношении которого [соотнесенное] могло бы быть указано подходящим образом; так, например, если указано «кормило судна», то это указано неподходящим образом: ведь не поскольку это – судно, кормило называется его кормилом; ведь есть суда,

у которых нот кормила; поэтому здесь нет обоюдности: о судне не говорят как о судне кормила. Более подходящим образом указали бы, пожалуй, если бы выразились как-нибудь так: кормило есть кормило «кормилоуправляемого» или как-нибудь иначе; [подходящего] имени нет. И обоюдность возможна, если указано подходящим образом: ведь «кормилоуправляемое» есть «кормилоуправляемое» кормилом. Точно так же обстоит дело и в других случаях; так, «голова» была бы указана более подходящим образом, если бы ее назвали «головой оглавленного», чем если бы ее назвали «головой животного»: ведь животное имеет голову не поскольку оно животное, ибо многие животные не имеют головы. Для вещей, не имеющих установленных имен, легче всего, пожалуй, приобрести их, если имена, производные от исходного, давать тому, что допускает обоюдность с ними, подобно тому как выше от «крыла» было образовано «крылатое» и от «кормила» – «кормилоуправляемое». Итак, все соотнесенные между собой [стороны], если они указываются подходящим образом, обоюдны.

Однако, если соотнесенное указывается наугад, а не по отношению к тому, с чем оно соотнесено, то обоюдности нет. Я имею в виду, что даже у таких соотнесенных, которые, по общему признанию, обоюдны и для которых установлены имена, все же нет обоюдности, если они указываются по отношению к привходящему, а не по отношению к тому, с чем они соотнесены; например, если «раб» указан не как раб господина, а как раб человека, или двуногого существа, или чего-либо подобного, то обоюдности нет, ибо «раб» указан неподходящим образом. Если же соотнесенное указывается по отношению к тому, с чем оно соотнесено, подходящим образом, причем отбрасывается все привходящее оставляется только то, по отношению к чему оно было указано подходящим образом, то оно всегда будет говорить по отношению к нему; так, если «раб» говорится по отношению к господину, причем отбрасывается все то, что есть для господина, [как такового], привходящее (например, то, что он двуногое существо, что он способен овладевать знаниями и есть человек), и оставляется только то, что он господин, – то «раб» всегда будет говорить по отношению к нему: ведь раб называется рабом господина. Если же соотношение одной вещи с другой указывается неподходящим образом, хотя бы и отбрасывалось все остальное и оставлялось лишь то, по отношению к чему она была указана, – то она не будет говорить по отношению к нему. В самом деле, пусть «раб» будет указан как «раб человека» и «крыло» – как «крыло птицы», и пусть от человека будет отброшено то, что он господин, тогда «раб» уже не будет говорить по отношению к человеку: если нет господина, то нет и раба. Точно так же пусть от птицы будет отброшено то, что она крылатая, тогда крыло уже не будет принадлежать к соотнесенному: ведь если нет крылатого, то и крыло не будет крылом чего-то. Поэтому необходимо указывать соотношение подходящим образом. И если есть установленное имя, то указывать это легко; если же его нет, то, конечно, необходимо придумывать наименования. Если так указывать, то все соотнесенные между собой [стороны] будут, очевидно, обоюдными.

Соотнесенные между собой [стороны], надо полагать, по природе существуют вместе, и в большинстве случаев это верно; в самом деле, вместе существуют двойное и половина, и, когда есть половина, есть и двойное; равным образом, когда имеется господин, имеется и раб, и, когда имеется раб, имеется и господин, и подобно этому обстоит дело и в остальных случаях. Далее, соотнесенные между собой [стороны] устраняются вместе: ведь если нет двойного, нет и половины, и, если нет половины, нет и двойного, и точно так же в остальных подобного рода случаях. Однако не для всех соотнесенных между собой [сторон], надо полагать, правильно, что они по природе существуют вместе. Ведь познаваемое, надо полагать, существует раньше, чем знание; в самом деле, большей частью мы приобретаем знания, когда предметы их уже существуют; лишь редко можно видеть – а может быть, таких случаев и нет, – чтобы знание возникало вместе с познаваемым. Далее, с уничтожением познаваемого прекращается и знание, между тем с прекращением знания познаваемое не уничтожается; в самом деле, если нет познаваемого, то нет и знания (ведь оно было бы в таком случае знанием ни о чем); если же нет

знания, то ничто не мешает, чтобы существовало познаваемое, например квадратура круга, если только она нечто познаваемое: знания о ней еще нет, но сама она существует как познаваемое. Далее, с уничтожением всякого живого существа знания не будет, но множество предметов познания может существовать.

Подобным же образом обстоит дело и с чувственным восприятием: воспринимаемое чувствами существует, надо полагать, раньше, чем чувственное восприятие. В самом деле, с уничтожением воспринимаемого чувствами прекращается и чувственное восприятие, между тем чувственное восприятие не устраняет вместе с собой воспринимаемое чувствами. В самом деле, восприятия принадлежат к телу и находятся в теле. С уничтожением воспринимаемого чувствами уничтожается и тело (ведь тело есть нечто воспринимаемое чувствами), но если нет тела, то прекращается и чувственное восприятие; так что воспринимаемое чувствами устраняет вместе с собой чувственное восприятие. Между тем чувственное восприятие не устраняет вместе с собой воспринимаемого чувствами: с уничтожением животного прекращается чувственное восприятие, но воспринимаемое чувствами будет существовать, например тело, теплое, сладкое, горькое и все остальное воспринимаемое чувствами.

Далее, чувственное восприятие возникает вместе с тем, кто воспринимает чувствами; в самом деле, животное и чувственное восприятие появляются вместе, воспринимаемое же чувствами существует и до чувственного восприятия: ведь огонь, вода и тому подобные [элементы], из которых составляется животное, имеются и до животного вообще, и до восприятия. Таким образом, воспринимаемое чувствами, надо полагать, существует раньше чувственного восприятия.

Можно спросить, действительно ли ни одна сущность, как полагают, не принадлежит к соотносительному, или же для некоторых вторых сущностей это возможно.

Что касается первых сущностей, то это действительно так: ни о них как о целых, ни об отдельных их частях не говорят, что они соотносительное. В самом деле, об отдельном человеке не говорят, что он отдельный человек чего-то, и об отдельном быке – что он отдельный бык чего-то. Точно так же и о частях: об отдельной руке не говорят, что она отдельная рука кого-то, а говорят о руке, что она рука кого-то; и об отдельной голове не говорят, что она отдельная голова кого-то, а говорят о голове, что она голова кого-то. Точно так же дело обстоит и со вторыми сущностями, по крайней мере с преобладающим большинством их; так, о [виде] «человек» не говорят, что он «человек» чего-то, и о [виде] «бык» – что он «бык» чего-то. Точно так же и о бревне не говорят, что оно бревно чего-то, а говорят, что оно имущество кого-то. Таким образом, очевидно, что сущности этого рода не принадлежат к соотносительному. Однако относительно некоторых вторых сущностей это спорно; так, о голове говорится, что она голова кого-то, и о руке – что она рука кого-то, и так же во всех подобных случаях, так что такие сущности можно было бы, по-видимому, причислить к соотносительному. Если [данное выше] определение соотносительного надлежащее, то или очень трудно, или невозможно показать, что ни одна сущность не есть соотносительное. Если же это определение ненадлежащее, а соотносительное есть то, для чего быть значит то же, что находиться в каком-то отношении к чему-нибудь, то можно, пожалуй, кое-что сказать против [соотносительности сущности]. Правда, прежнее определение простирается на всякое соотносительное, однако находиться в отношении к чему-нибудь – это не то же, что быть по самому существу соотносительным с другим. А отсюда ясно, что, если кто-нибудь определенно знает нечто соотносительное, он будет определенно знать то, с чем оно соотносено. Это явствует из самого соотносительного: если знают, что вот это есть соотносительное, а для соотносительного быть – значит находиться в каком-то отношении к чему-нибудь, то знают также и то, к чему оно находится в таком отношении. Ведь если вообще неизвестно, к чему оно находится в том или ином отношении, то не будет известно и то, находится ли оно в каком-то отношении к чему-нибудь. И из отдельных случаев это ясно; например, если точно знают, что это есть двойное, тотчас же знают точно и то, двойное чего оно есть; в самом деле, если

не знают, что оно двойное по отношению к чему-то точно определенному, то не знают, есть ли оно вообще двойное. Таким же образом, если знают, что вот это есть лучшее, то в силу этого сразу же необходимым образом точно знают также, чего оно лучше. И знание о том, что оно лучше того, что хуже, не будет неопределенным знанием, иначе это оказывается лишь предположением, а не есть действительное знание, ибо еще не будут точно знать, что оно лучше того, что хуже: в этом случае вполне возможно, что нет ничего такого, что было бы хуже его. Так что очевидно, что если точно знают, что нечто есть соотнесенное, то необходимым образом знают точно и то, к чему оно относится. Между тем голову, руку и каждую из таких [частей тела], которые суть сущности, можно определенно знать, что они есть в существе своем, но знание того, к чему они относятся, отсюда не вытекает с необходимостью: чья это голова или чья это рука – этого можно не знать определенно. Поэтому такие [части тела] не принадлежат к соотнесенному. И если они не принадлежат к соотнесенному, то правильно будет сказать, что ни одна сущность не принадлежит к соотнесенному. Быть может, нелегко убедительно высказываться о таких вещах, но обсудив их многократно. По разобрать каждую из них бесполезно.

Глава восьмая

[Качество]

Качеством я называю то, благодаря чему предметы называются такими-то. «Качество» имеет много значений. Под одним видом качества будем понимать устойчивые и преходящие свойства. Устойчивое свойство отличается от преходящего тем, что оно продолжительнее и прочнее. Таковы знания и добродетели. В самом деле, знание, надо полагать, есть нечто прочное и с трудом меняющееся, даже *если* постигли его в малой степени, разве только произойдет значительная перемена из-за болезни или чего-то другого в этом роде. Таким же образом и добродетель, например справедливость, благоразумие и все тому подобное, надо полагать, не легко поддается колебаниям и изменениям.

Преходящими свойствами или состояниями называются такие качества, которые легко поддаются колебаниям и быстро изменяются, каковы, например, тепло и холод, болезнь и здоровье и все тому подобные [состояния]. В самом деле, человек находится в том или другом состоянии и вместо с тем быстро изменяется, становясь из теплого холодным или из здорового больным, и точно так же в остальных случаях, если только за какое-нибудь из этих состояний с течением времени не укоренится и не окажется неустранимым или совершенно неподверженным изменению; а такое состояние можно было бы, пожалуй, уже назвать устойчивым свойством.

Итак, очевидно, что под устойчивыми свойствами понимают качества более продолжительные и малоподверженные изменениям: ведь о тех, кто но вполне владеет знаниями и легко поддается изменению, не говорят, что они обладают таким-то свойством, хотя они, конечно, находятся в каком-то отношении к знанию – либо в худшем, либо в лучшем. Таким образом, устойчивое свойство отличается от преходящего тем, что последнее легко поддается изменению, а первое более продолжительно и мало подвержено изменениям. Вместе с тем свойства суть состояния, однако состояния не обязательно свойства. В самом деле, те, кто обладает теми или иными свойствами, находятся в каком-то состоянии в отношении их, а те, кто находится в каком-то состоянии, не во всех случаях обладают [соответствующим] свойством.

Другой вид качества – это то, благодаря которому мы называем людей искусными в кулачном бою или искусными в беге, здоровыми или болезненными, и вообще те качества, о которых говорится как о врожденной способности или неспособности; в самом деле, каждое из них называется таким не потому, что кто-то находится в каком-то состоянии, а потому, что он имеет врожденную способность или неспособность легко что-то делать или ничего не претерпевать; так, кто-то называется искусным в кулачном бою или в беге не потому, что он находится в том или ином состоянии, а потому, что он имеет врожденную способность легко что-то делать, и здоровым – потому, что он имеет врожденную способность не поддаваться легко действию случайностей, а болезненным – потому, что он от природы способен сопротивляться действию случайностей. Точно так же обстоит дело и с твердым и мягким.

Твердое называется так потому, что оно имеет способность не поддаваться легко раздроблению, а мягкое – потому, что не имеет способности к этому.

Третий вид качества – претерпеваемые свойства и состояния. Таковы, например, сладость, горечь, терпкость и все сходное с ними; кроме того, тепло, холод, белизна и чернота. Что они качества – это очевидно: то, что ими наделено, называется таким-то в соответствии с ними; например, мед называется сладким, так как он наделен сладкостью, и тело называется белым, так как оно наделено белизмой. Точно так же обстоит дело и в остальных случаях. А претерпеваемыми свойствами они называются не потому, что то, что наделено ими, само что-то претерпевает или испытывает: мед называется сладким не потому, что он что-то испытал,

и все тому подобное – точно так же. Равным образом и тепло и холод называются претерпеваемыми свойствами не потому, что наделенное ими что-то испытало. Называются они так потому, что каждое из упомянутых качеств оказывает некоторое воздействие на [внешние] чувства. Действительно, от сладкости воздействие испытывает вкус, а от тепла – осязание, и сходным образом остальные [такого рода] качества.

Что же касается белизны, черноты и других цветов, то они называются претерпеваемыми свойствами не по той же причине, что упомянутые качества, а потому, что они сами порождены испытываемыми воздействиями. Что многие перемены в цвете происходят из-за воздействий, испытываемых [душой], – это ясно; в самом деле, кто испытал стыд – покраснел, кто испытал страх – побледнел, и так в каждом подобном случае. Поэтому если кто так же естественным образом испытал нечто подобное, то следует ожидать, что в зависимости от некоторых естественных обстоятельств у него будет такой же цвет [лица]. Действительно, то же состояние тела, которое в первом случае возникло при испытании стыда, может возникнуть и в зависимости от естественного строения тела, а потому естественным образом возникает и такой же цвет. Таким образом, те явления (*symptomata*) этого рода, которые берут свое начало от тех или иных устойчивых и длительных состояний, называются претерпеваемыми свойствами. В самом деле, бледность или смуглость называются качествами (ведь нас называют такими-то благодаря им), когда они появляются не только в зависимости от естественного строения тела, но и вследствие продолжительной болезни или солнечного жара, и они [в этом случае] лишь с трудом исчезают и даже остаются на всю жизнь (ведь нас называют такими-то точно так же благодаря им). А те явления, которые возникают от чего-то легко прекращающегося и быстро исчезающего, называют состояниями, но не качествами. Дело в том, что по ним никого не называют таким-то и таким-то: ведь краснеющего от стыда не называют краснолицым, а бледнеющего от страха – бледнолицым, а скорее о них говорят, что они что-то испытали. Так что в этих случаях говорят о состояниях, а не о качествах.

Равным образом говорят о претерпеваемых свойствах и состояниях души. В самом деле, те из них, что сразу возникли при рождении от тех или иных устойчивых состояний, называются качествами, например умопомешательство, раздражительность и тому подобное, ведь по ним называют кого-то таким-то и таким-то – раздражительным или помешанным. Равным образом и те отклонения, которые не природжены, но вследствие каких-то других обстоятельств трудноустранимы или же вообще не поддаются изменениям, суть качества, так как по ним называют людей такими-то и такими-то. А те, что возникают от чего-то быстро исчезающего, называются состояниями, например если испытывающий печаль становится более раздражительным. В самом деле, того, кто в таком состоянии становится более раздражительным, еще не называют раздражительным человеком, а скорее говорят, что он что-то испытал. Таким образом, подобные [явления] называются состояниями, а не качествами. Четвертый вид качества – это очертания имеющийся у каждой [вещи] внешний облик и, кроме того, прямизна и кривизна и тому подобное. В самом деле, ведь по ним в каждом случае называют что-то таким-то и таким-то, ибо вещь называют такой-то и такой-то благодаря тому, что она треугольная или четырехугольная, или благодаря тому, что она прямая или кривая, и равным образом по внешнему облику что-то называют таким-то и таким-то. Что же касается рыхлого и плотного, шероховатого и гладкого, то кажется, будто они означают какое-то качество; однако они, видимо, не относятся к категории качества; в самом деле, каждое из них указывает, по-видимому, скорее на то или иное положение частей; а именно, нечто плотно потому, что части его очень близки друг к другу, а рыхло потому, что они находятся на некотором расстоянии друг от друга; гладко же потому, что части его лежат как бы по прямой линии, а шероховато потому, что у него одна часть выше, другая ниже. Можно было бы, пожалуй, указать и какой-нибудь другой вид качества. Но, во всяком случае, упомянутые нами – наиболее распространенные.

Итак, качества – это те, о которых мы говорили, а такими-то и такими-то вещи называют производными от них именами или именами, образованными от них как-то иначе. В большей части случаев и даже почти во всех такими-то их называют производными именами. Так, от бледности – бледным, от умения читать и писать – умеющим читать и писать, от справедливости – справедливым. И точно так же и в других случаях.

Иногда, однако, из-за того, что некоторые качества не имеют названий, наделенное ими нельзя назвать производным от них именем; например, способный к бегу или к кулачному бою, называемый так в силу своей природной способности, не называется производным от какого-либо качества именем, ибо для способностей, благодаря которым эти люди называются именно такими, нет названий в отличие от искусств, по которым кого-то называют способным к кулачному бою или к борьбе в силу их наклонностей: ведь говорят об искусстве кулачного боя и об искусстве борьбы, а тех, кто расположен к ним, называют такими-то и такими-то т. е. производным от этих искусств именем.

Иногда же хотя качество и имеет название, но то, что называется в соответствии с ним, называется не производным от него именем; так, от добродетели (arete) – хороший (spoudaios); в самом деле, хороший называется так потому, что он обладает добродетелью, но назван он именем, не производным от добродетели. Однако это бывает не часто. Итак, такими-то и такими-то [вещи] называются в соответствии с перечисленными видами качества производными от них именами или именами, образованными от них как-то иначе.

У качества бывает и противоположность; так, справедливость противоположна несправедливости, белизна – черноте, и все остальное таким же образом, равно как и все то, что названо по ним таким-то и таким-то, например несправедливое противоположно справедливому и белое – черному. По это имеет место не во всех случаях. В самом деле, огненно-красному, или бледно-желтому, или другим подобным цветам нет ничего противоположного, хотя они качества. Далее, если одна из двух противоположностей есть качество, то и другая будет качеством. И это становится ясным, если привлечь к рассмотрению остальные категории. Так, если справедливость противоположна несправедливости, а справедливость есть качество, то, значит, и несправедливость – качество; в самом деле, ни одна из остальных категорий не подходит к несправедливости – ни количество, ни отношение, ни «где» и вообще ничего из них, кроме качества. Точно так же обстоит дело и с остальными противоположностями у качества. Качества допускают большую и меньшую степень. Об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое, и об одном справедливом – что оно более справедливо или менее справедливо, чем другое. Да и самому качественно определенному доступно приращение, ибо нечто, будучи белым, может стать еще более белым; однако не всегда так, а лишь большей частью. В самом деле, вызывает сомнение, можно ли сказать, что одна справедливость есть большая или меньшая справедливость, чем другая; и точно так же и относительно всякого другого свойства или состояния. Ведь некоторый спорят об этом: они утверждают, что, конечно, одну справедливость (или одно здоровье) никак нельзя называть большей или меньшей справедливостью (или здоровьем), нежели другую, но один человек обладает здоровьем в меньшей мере, чем другой, и справедливостью в меньшей мере, чем на другой, и точно так же умением читать и писать и остальными свойствами и состояниями. Но по крайней мере то, что называется по ним, бесспорно допускает большую и меньшую степень; в самом деле, об одном говорят, что он владеющий искусством чтения и письма в большой мере, чем другой, а также что он более здоров и справедлив, и точно так же в других случаях.

Между тем «треугольное» и «четырёхугольное», как и всякая другая фигура, не допускает, видимо, большую степень. Ведь все, что принимает определение треугольника или круга, есть треугольник или круг в одинаковой мере, а из того, что не принимает такого определения, нельзя одно называть [треугольником или кругом] в большей степени, нежели другое; в самом деле, квадрат несколько не в большей степени круг, нежели разносторонний многоугольник,

ибо ни тот ни другой не принимает определения крута. И вообще, если оба не принимают определения подлежащего [предмета], то один не может быть назван им в большей степени, нежели другой. Таким образом, не все качественно определенное допускает большую и меньшую степень.

Итак, из указанных выше черт ни одна не составляет особенности качества. О сходном же и несходном говорится только в отношении качеств. В самом деле, одно сходно с другим лишь постольку, поскольку оно есть нечто качественно определенное; поэтому особенностью качества будет то, что о сходном и несходном говорится лишь в отношении его.

Не следует при этом смущаться, если кто-то скажет, что мы, имея намерение говорить о качестве, сопричисляем к нему и много соотносительного: ведь мы говорили, что свойства и состояния принадлежат к соотносительному. Дело в том, что почти у всех них роды, правда, суть соотносительное, но ни одно отдельное свойство и состояние не есть соотносительное. В самом деле, относительно знания как рода говорится, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим (ведь говорят: знание чего-то); но о каждой отдельной отрасли знания не говорят, что то, что она есть, она есть в связи с другим; например, о грамматике не говорят, что она грамматика чего-то, и об искусстве музыки – что она музыка чего-то; разве только через род они могут быть обозначены как соотносительное; например, грамматика называется знанием чего-то, но не грамматикой чего-то, и искусство музыки – знанием чего-то, но не музыкой чего-то. Так что отдельные отрасли знания не принадлежат к соотносительному. Между тем мы называемся такими-то и такими-то в соответствии с отдельными отраслями знания, ведь как раз ими мы обладаем; в самом деле, знающими мы называемся потому, что мы обладаем каким-нибудь из отдельных знаний. Вот почему эти знания будут качествами, а именно отдельные отрасли знания, в соответствии с которыми мы иногда и называемся такими-то и такими-то, а к соотносительному они не принадлежат. Кроме того, если бы одно и то же и оказалось и соотносительным и качеством, то вовсе по было бы нелепо причислять его к обоим этим родам.

Глава девятая

[Остальные шесть категорий]

Действие и претерпевание также допускают и противоположность себе, и большую и меньшую степень. В самом деле, нагревать и охлаждать, равным образом быть нагреваемым и быть охлаждаемым, испытывать радость и испытывать печаль – все это противоположно одно другому, так что они допускают противоположность себе. Они допускают также большую и меньшую степень: ведь можно нагревать что-то больше или меньше и можно быть нагреваемым больше или меньше. Следовательно, действие и претерпевание допускают большую и меньшую степень.

Итак, вот что сказано об этих категориях. Что касается [категории] «находиться в каком-то положении», то относительно нее уже было сказано при рассмотрении соотнесенного, что она называется именем, производным от различного рода положения. Что же касается остальных категорий – «когда», «где» и «обладать», то ввиду полной их ясности о них говорится здесь лишь то, что было сказано вначале, а именно что обладать означает, [например], быть обутым, быть вооруженным, где – например, в Ликее, и остальное, что уже было сказано о них.

Глава десятая

[Четыре вида противоположения]

О представленных нами родах [категорий] сказанного достаточно. Что же касается противоположащих друг другу [вещей], то следует сказать, сколькими способами обычно одно противоположит другому. О противоположащих друг другу [вещах] говорится четвероюко: или как о соотнесенных между собой, или как о противоположностях, или как о лишенности и обладании, или как об утверждении и отрицании. И если вкратце сказать о каждом из них, то, например, двойное противоположит половине как соотнесенное, зло благу – как противоположности, слепота зрению – как лишенность и обладание, «он сидит» и «он не сидит» – как утверждение и отрицание.

О том, что противоположит как соотнесенное, говорится, что то, что оно есть, оно есть в связи с противоположащим ему или находясь в каком-то ином отношении к нему; например, о двойном – что оно, как таковое, есть двойное по отношению к половинному. И знание противоположит познаваемому как соотнесенное, и о нем говорится, что то, что оно есть, – это знание познаваемого; и равным образом о познаваемом говорится, что то, что оно есть, оно есть в связи с противоположащим ему – со знанием: ведь говорят, что познаваемое есть познаваемое чем-то – познанием.

Итак, о противоположащем как соотнесенном говорится, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то [ином] отношении к другому. О противоположащих же как противоположностях никак не говорят, что то, что они есть, они есть в связи друг за с другом, а говорят, что они противоположны друг другу: ведь не говорят, что хорошее есть хорошее плохого, а говорят, что оно противоположно плохому, и не говорят, что белое есть белое черного, а говорят, что оно противоположно черному. Так что эти два рода противопоставления отличаются друг от друга. И если противоположности таковы, что в том, в чем им свойственно от природы находиться или о чем они сказываются [как о подлежащем], одна из них необходимо должна наличествовать, то между этими противоположностями нет ничего посередине. Если же одна из них не обязательно должна наличествовать, то между ними непременно имеется что-то посередине. Так, болезни и здоровью свойственно от природы находиться в тело живого существа, и одно из них двух – либо болезнь, либо здоровье – необходимо присуще телу живого существа. Равным образом нечетное и четное сказываются о числе, и одно из них должно быть присуще числу – либо нечетное, либо четное. И между ними нет ничего посередине – ни между болезнью и здоровьем, ни между нечетным и четным. Там же, где не обязательно должна наличествовать та или другая противоположность, между ними возможно нечто посередине; например, черному и белому свойственно от природы находиться в тело, но во всяком случае одно или другое из них не обязательно должно быть присуще телу: ведь не всякое тело либо бело, либо черно. Равным образом плохое и хорошее сказываются о человеке и о многом другом, но одно из них не обязательно должно быть присуще тому, о чем они сказываются: ведь не все есть либо плохое, либо хорошее. И между ними во всяком случае есть нечто посередине. Например, между белым и черным – серое, бледно-желтое и другие цвета, а между плохим и хорошим – то, что не плохо и не хорошо. В некоторых случаях для находящегося посередине даются [особые] имена; например, для того, что между белым и черным, – серое, бледно-желтое и другие цвета; в некоторых же случаях нелегко обозначить именем находящееся посередине, а его определяют через отрицание обоих крайних, например «не хорошо и не плохо» или «не справедливо и не несправедливо».

Лишенность и обладание говорится относительно одного и того же, например зрение и слепота – относительно глаза; и вообще, в чем от природы находится [данное] свойство,

относительно того можно говорить и о лишенности и об обладании. А лишенным какого-то свойства мы называем все способное принимать это свойство, когда оно совершенно не наличествует в том, в чем оно от природы должно наличествовать, и именно в то время, когда естественно обладать им. В самом деле, мы называем беззубым не то, что не имеет зубов, и слепым – не то, что не имеет зрения, а то, что не имеет их, когда оно по природе должно было бы их иметь, ведь некоторые [существа] с самого рождения не имеют ни зрения, ни зубов, по их не называют ни беззубыми, ни слепыми. Однако быть лишенным чего—что и обладать свойством – это не то же самое, что лишенность и обладание свойством. Ибо свойство – это зрение, а лишенность – слепота; по обладать зрением – это не зрение, и быть слепым – это не слепота. Ведь слепота есть некоторая лишенность, быть же слепым – значит быть лишенным, но это не лишенность. Кроме того, если слепота была бы тем же, что быть слепым, тогда то и другое сказывалось бы об одном и том же; но слепым человек называется, а слепотой человек никогда не называется. По-видимому, и они – быть лишенным и обладать свойством – противостоят друг другу как лишенность и обладание свойством. Ведь противостоят они друг другу одним и тем же образом: как слепота противостоит зрению, так и бытие слепым противостоит обладанию зрением. Равным образом и то, что подпадает под отрицание и утверждение, не есть то же, что отрицание и утверждение. Утверждение есть утвердительная речь, а отрицание – отрицательная речь, между тем ничто из подпадающего под утверждение и отрицание не есть речь. Но и о подпадающем под утверждение и о подпадающем под отрицание говорят, что они противостоят друг другу как утверждение и отрицание. Ведь и они противостоят друг другу тем же образом: как утверждение противостоит отрицанию (например, «он сидит» – «он не сидит»), так и действие, подпадающее под утверждение, противостоит действию, подпадающему под отрицание: сидение – несидению.

А что лишенность и обладание свойством противостоят друг другу не как соотнесенные, – это очевидно. Ведь относительно того или другого не говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с противоположащим ему. В самом деле, зрение не есть зрение слепоты, и также по-иному никак нельзя говорить о нем в отношении к ней. Равным образом и о слепоте нельзя сказать, что она слепота зрения; о ней, правда, говорят, что она лишенность зрения, но не говорят, что она слепота зрения. Кроме того, все соотнесенные между собой [стороны] обоюдны, а потому между слепотой (если бы она принадлежала к соотнесенному) и тем, с чем ее соотносили бы, была бы обоюдность. Но такой обоюдности нет: ведь не говорят, что зрение – это зрение слепоты.

А что вещи, о которых говорится в смысле лишенности и обладания, не противостоят друг другу и как противоположности, это ясно из следующего. Из [пары] противоположностей, между которыми нет ничего посередине, та или другая из них всегда необходимо присуща тому, в чем она от природы находится или о чем она сказывается [как о подлежащем]: ведь ничего, как было сказано, нет посередине между противоположностями, одна из которых необходимо присуща тому, что их принимает, как это бывает с болезнью и здоровьем или с нечетным и четным. Если же между противоположностями есть нечто посередине, то отнюдь не необходимо, чтобы та или другая из них была присуща всякому [способному принимать их]: ведь все способное принимать их не обязательно есть либо белое, либо черное или либо теплое, либо холодное, ибо ничто не мешает, чтобы что-то наличествовало посередине между ними. Далее, как было сказано, нечто посередине имеется и между теми противоположностями, та или другая из которых не обязательно должна быть присуща способному принимать их, разве только тому, чему от природы присуще что-нибудь одно, например огню присуще быть горячим и снегу – быть белым. В этих случаях определенно должно быть присуще одно из двух, и при этом – не какое попадется: ведь огонь не может быть холодным и снег – черным. Поэтому не всякому способному принимать противоположности необходимо присуща либо одна, либо

другая, а лишь тому, которому от природы присуще что-то одно, и притом определенно одно, а не какое придется.

Что же касается лишенности и обладания свойством, то относительно них ни то ни другое из сказанного но верно⁰.. называется ни слепым, ни имеющим зрение; поэтому лишенность обладание не принадлежат к тем противоположностям, между которыми нет ничего посередине. Но не принадлежат они и к тем, у которых есть что-то посередине, ибо всякому способному принимать их одна из них необходимо должна когда-нибудь быть присуща, а именно: когда чему-то уже необходимо от природы иметь зрение, тогда скажут, что оно или слепое, или имеющее зрение, и из них ему будет присуще не определенно одно, а какое придется. Ведь ему не необходимо быть слепым и не необходимо быть имеющим зрение, а оно будет каким придется. Что касается тех противоположностей, у которых есть нечто посередине, то, как было сказано, вовсе не необходимо, чтобы всякому способному принимать их была присуща та или другая из них, а необходимо, чтобы какая-нибудь из них была присуща лишь некоторым, и притом определенно одна. Поэтому ясно, что противоположащее по лишенности и обладанию не противоположит ни тем ни другим способом, какими противоположат противоположности.

Далее, противоположности – при наличии способного принимать их – могут переходить друг в друга, разве только чему-то от природы присуще что-нибудь одно, например огню быть горячим; в самом деле, и здоровое может заболеть, и белое стать черным, и холодное теплым, и точно так же из хорошего можно сделаться плохим и из плохого – хорошим. Ведь если плохого человека направлять к лучшим занятиям и беседам, он сделает хоть небольшой шаг к тому, чтобы быть лучше. Если же он однажды совершит хоть и небольшой такой шаг, он, очевидно, может или совершенно перемениться, или же достичь очень больших успехов. Ему все легче будет склоняться к добродетели, каким бы незначительным ни был первоначальный успех; поэтому естественно ему достичь большего успеха. И, постоянно продолжаясь, это в конце концов приведет его к противоположному состоянию, если ему не помешает время. Что же касается обладания и лишенности, то здесь переход друг в друга невозможен. Правда, переход от обладания к лишенности бывает, но переход от лишенности к обладанию невозможен. В самом деле, ставший слепым не может вновь прозреть, у лысого волосы вновь не появляются, а у беззубого зубы не могут вырасти вновь.

А [высказывания], противоположащие друг другу как утверждение и отрицание, явно не противоположат ни одним из указанных выше способов, ибо всегда только одно из них необходимо истинно, другое ложно. В самом деле, ни при противоположностях, ни при соотнесенном, ни при лишенности и обладании свойством не необходимо, чтобы одно всегда было истинно, другое – ложно. Так, здоровье и болезнь противоположны друг другу, однако ни то ни другое не истинно и не ложно. Равным образом и двойное и половинное: они противоположат друг другу как соотнесенные между собой, но ни то ни другое из них не истинно и не ложно. Точно так же не истинны и не ложны лишенность и обладание, например зрение и слепота.

Да и вообще все, о чем говорится вис какой-либо связи, не истинно и не ложно. А обо всем [противолежащем], указанном [здесь], говорится без связи. Правда, скорее всего почти такое, казалось бы, бывает у противоположностей, о которых говорится в связи: ведь то, что Сократ здоров, противоположно тому, что Сократ болен. Но не всегда одно здесь необходимо истинно, а другое ложно. Если Сократ существует, то одно из них будет истинным, другое – ложным; а если его нет, то оба они ложны: ведь если вообще нет самого Сократа, неистинно и то, что Сократ болен, и то, что он здоров. В случае же лишенности и обладания, если вообще нет [данной воши], ни то ни другое не истинно; если же она есть, то не всегда одно истинно, а другое ложно; в самом деле, «Сократ имеет зрение» и «Сократ слепой» противоположат друг другу как лишенность и обладание; и если он существует, то не обязательно одно истинно, а другое ложно (ибо когда ему по природе еще не свойственно иметь зрение, и то и другое ложно); а если Сократа вообще нет, то в этом случае и то и другое ложно – и то, что он имеет

зрение, и то, что он слепой. Что же касается утверждения и отрицания, то существует ли [вещь] или нет – всегда одно из них будет ложным, а другое истинным. Ибо ясно, что, если Сократ существует, одно из высказываний – «Сократ болен» и «Сократ не болен» – истинно, а другое ложно, и точно так же – если Сократа нет, ибо если его нет, то [высказывание] «он болен» ложно, а [высказывание] «он не болен» истинно. Так что только в тех случаях, где одно противоположит другому как утверждение и отрицание, имеется та особенность, что одно из них всегда истинно, а другое ложно.

Глава одиннадцатая **[Противоположности]**

Благу необходимо противоположно зло. Это показывает наведение в каждом отдельном случае; например, здоровью противоположна болезнь, мужеству – трусость, и одинаково в других случаях. Но злу иногда противоположно благо, иногда же зло; в самом деле, недостатку, который есть зло, противоположен избыток, который также есть зло; равным образом и умеренность, будучи благом, противоположна и первому и второму. Но такого рода противоположность можно видеть лишь в немногих случаях, большей же частью злу противоположно благо.

Далее, если есть одна из противоположностей, то не обязательно, чтобы была и другая. Когда все здоровы, должно быть здоровье, болезнь же нет; равным образом, если все бело, должна быть белизна, чернота же нет. Далее, если то, что Сократ здоров, противоположно тому, что Сократ болен, а то и другое может быть в одно и то же время присуще одному и тому же, то при наличии одной из этих противоположностей другая быть не может: в случае если Сократ здоров, Сократ не может быть болен.

Ясно также, что по природе противоположности относятся к тому, что тождественно или по виду, или по роду: болезнь и здоровье находятся по природе в теле животного, белизна и чернота – просто в теле, а справедливость и несправедливость – в душе человека.

С другой стороны, все противоположности необходимо принадлежат к одному и тому же роду, либо к противоположным родам, или же они сами роды. В самом деле, белое и черное принадлежат к одному и тому же роду (ведь их род – цвет), справедливость и несправедливость – к противоположным родам (ведь для первой род – добродетель, для второй – порок), благо же и зло не принадлежат к какому-либо роду, а сами оказываются родами для другого.

Глава двенадцатая

[Предшествующее и последующее]

О том, что одно предшествует другому, [или первое другого], говорится в четырех смыслах. В первом и самом основном смысле – по времени, в зависимости от которого об одном говорится как о более старом и более древнем по сравнению с другим: ведь нечто называется более старым и более древним потому, что времени прошло больше.

Во-вторых, первое то, что не допускает обратного следования бытия; например, «одно» первое «двух»: если имеется «два», то прямо следует, что имеется «одно»; но если имеется «одно», то из этого не обязательно следует, что имеется «два», так что от «одного» нет обратного следования остального. Таким образом, перевес, надо полагать, то, от чего нет обратного следования бытия.

В-третьих, о том, что первое, говорится в смысле определенного порядка, так, как в пауках и речах. В доказывающих науках имеется предшествующее и последующее по порядку (ведь [геометрические] элементы по порядку предшествуют чертежам, а в искусстве чтения и письма звуки речи или буквы предшествуют слогам), и одинаково в речах – а именно вступление по порядку предшествует изложению [сути дела].

Далее, [в-четвертых], помимо сказанного – лучшее и более чтимое, по-видимому, по природе первое. И обычно большинство утверждает, что люди более почитаемые и более любимые им «первое» его. Но этот смысл, пожалуй, наименее подходящий.

Итак, вот, пожалуй, в скольких смыслах говорят о том, что предшествует, [или первое]. По помимо указанных имеется, видимо, и другое значение того, что первое, а именно: о той из вещей, допускающих обратное следование бытия, которая так или иначе составляет причину бытия другой, можно было бы по справедливости сказать, что она по природе первое. А что нечто такое есть, – это ясно: бытие человека допускает обратное следование бытия с истинной речью о человеке; в самом деле, если имеется человек, то верна речь о том, что он человек. И это обратимо: если верна речь о том, что есть человек, то человек есть. Но верная речь ни в коем случае не есть причина бытия вещи, однако вещь, по-видимому, есть некоторым образом причина истинности речи: ведь в зависимости от того, го существует ли вещь или нет, речь о ней называется истинной или ложной. Так что о том, что одно предшествует другому, [или первое другого], говорится в пяти смыслах.

Глава тринадцатая [Данное вместе]

Как о данных вместе в прямом и самом основном смысле говорится о тех [вещах], которые возникают в одно и то же время: ни одна из них не есть предшествующее или последующее, а о них говорят, что они вместе по времени. А данные вместе по природе – это те [вещи], которые, правда, допускают обратное следование бытия, но одна никоим образом не есть причина бытия другой, как, например, у двойного и половинного: они, правда, допускают обратное [следование бытия] (ведь если есть двойное, есть и половинное, и, если есть половинное, есть и двойное), но ни одно из них не есть причина бытия другого.

Данными вместе по природе называются также [виды], соподчиненные одному и тому же роду. Соподчиненными называются [виды], противопоставленные друг другу в одном и том же делении, например пернатое – живущему на суше и обитающему в воде. Все они соподчинены одному и тому же роду: ведь живое существо делится на эти [виды] – на пернатое, живущее на суше и обитающее в воде, и ни один из этих [видов] не первее [другого вида] и не есть последующее [по отношению к нему], а, надо полагать, все такого рода животные по природе вместе. И каждое из них может в свою очередь быть разделено на [под] – виды, например и живущее на суше, и пернатое, и обитающее в воде. Стало быть, и те [подвиды] будут вместе по природе, которые, принадлежа к одному и тому же роду, [противопоставлены] в одном и том же делении.

Роды же всегда первое видов: они не допускают обратного [с видами] следования бытия; например, если имеется животное, обитающее в воде, то имеется живое существо, но если имеется живое существо, то не обязательно имеется животное, обитающее в воде.

Таким образом, данными вместе по природе называются те [вещи], которые, правда, допускают обратное следование бытия, но одна никоим образом не есть причина бытия другой, а также [виды], соподчиненные одному и тому же роду; в прямом же смысле – вместе те [вещи], которые возникают в одно и то же время.

Глава четырнадцатая

[Шесть видов движения]

Имеется шесть видов движения – возникновение, уничтожение, увеличение, уменьшение, превращение и перемещение.

Так вот, все движения явно отличаются друг от друга. В самом деле, возникновение – это не уничтожение, увеличение – это по уменьшению или перемещение, и точно так же в остальных случаях. Относительно же превращения имеется сомнение: не обстоит ли дело так, что то, что изменяется в качестве, необходимо изменяется через какое-нибудь из прочих движений. Но это не верно, ибо почти во всех или в большинстве случаев испытывания нами чего-то оказывается, что мы подвергаемся изменению в качестве, не участвуя ни в одном из других движений. И самое дело, то, что движется в том смысле, что оно что-то испытывает или претерпевает, не обязательно увеличивается или уменьшается, и точно так же по участвует во всех других движениях, так что превращение, можно сказать, отлично от всех других движений, ибо, если бы оно было тождественно им, изменяющееся в качестве должно было бы тотчас же увеличиваться или уменьшаться или должно было бы следовать какое-то из других движений; между тем это не обязательно. Точно так же то, что увеличивается или движется каким-нибудь иным движением, должно было бы в таком случае изменяться в качестве. Однако бывает, что увеличиваются, не изменяясь в качестве; так, квадрат, если приложить к нему гномон, правда, увеличивается, но иным по качеству не становится; и точно так же в других подобных случаях. Так что, пожалуй, [все] эти движения отличаются друг от друга.

Движению вообще противоположен покой, но отдельным видам движения – отдельные виды движения: возникновению – уничтожение, увеличению – уменьшение, перемещению – пребывание на месте. В наибольшей же мере противолежит, по-видимому, [перемещению] перемещение в противоположном направлении, например движению вниз – движение вверх и движению сверху – движение снизу. А для оставшегося вида движения нелегко указать, что ему противоположно; ему, кажется, ничего не противоположно, если только ему не противопоставлять неизменность в качестве или же изменение в противоположное качество, подобно тому как перемещению противопоставляют пребывание на месте или перемещение в противоположном направлении, превращение есть изменение в качестве. Поэтому движению касательно качества будет противолежат, неизменность в качестве или изменение в противоположное качество, например становление белым – становлению черным, ибо изменением в качестве превращаются [здесь] в противоположное.

Глава пятнадцатая

[Обладание]

Что касается обладания, то о нем говорится во многих значениях: или как об обладании свойством и состоянием, либо каким-нибудь другим качеством (так, о нас говорят, что мы обладаем каким-то знанием и достоинством), или как об обладании количеством, например что имеют определенную величину (ведь говорят, что нечто имеет величину в три локтя или в четыре локтя), или как об обладании тем, что имеют на теле (например, платьем или хитоном), или как об обладании тем, что имеют на части тела (например, кольцом на руке), или как об обладании частью тела (например, рукой или ногой), или как о содержимом сосуда (например, о медимне для пшеницы или о глиняном сосуде для вина: ведь говорят, что глиняный сосуд содержит вино и медимн – пшеницу; так что обо всем этом говорится, что оно что-то содержит в себе как в сосуде), или об обладании говорится как о владении имуществом (ведь о нас говорят, что мы владеем домом или полем). Про нас также можно сказать, что мы имеем жену, и про женщину – что она имеет мужа. Только что указанное значение обладания – наименее подходящее, ведь «иметь жену» означает не что иное, как сожительствовать. Можно было бы, пожалуй, указать и некоторые другие значения обладания; но, полагаю, обычные значения его перечислены.